

ЕЛЕНА МАШУКОВА

**ГДЕ СУМЕРКИ
ПАХНУТ МЯТОЙ...**

Я слушаю – ты говоришь,
И кажется – времени много
У нас. Осмелевший стриж
Так низко мелькнул над дорогой,
Над глиной, размытой дождём,
Ногами трава примята.
Мы вместе домой придём,
Где сумерки пахнут мятой...
Кто словари любви
Сжёт и развеял пепел,
Тот и себе не верил,
Когда о любви говорил.

ДЕРЕВНИ

А где-то
за деревьями
цветущими,
дикими –
деревни древние,
деревни тихие
нанизаны на леса-перелески,
деревни – колыбельные песни...

Где, мил-человек, твоя родина?
В деревне, не в городе.

Города ревут.
Но они к городам не ревнут.
Им своё – то баюкают,
то ведут...

За какими ветрами,
за какими деревьями,
где, реви - не реви,
настоящие, вы, деревни?
В землю-матушку вросшие,
светлые днём и ночью,
с подсолнухами
вдоль изгородей лубочных,
с королевнами и дураками Иванами,
с бесшабашными пастухами
и плетуханами,
деревни русские,
босые, пряные,
от сеновалов и браги пьяные,
с васильками и василисками
во ржаных полях,
не далёкие, не близкие,
не высокие, не низкие,
с небесами в журавлях...
Разливаются мёды липовые,
ставенки скрипят-поскрипывают,
бурьянами пронзённые,
дряхлеют, корёжатся
деревни тихие
в садах заброшенных....

Где, мил-человек, твоя родина?
В деревне, не в городе.

КРЫЛЬЯ

На снегу, на песке, на доске,
на вуали трёхдневной пыли,
на окошке замёрзшем, в сквер, -
единение полусфер
я тебе нарисую –

крылья –
распахнутые,
чтобы цвели,
поднимали, парили, вели,
реяли,
воздухоплыли,
от темноты укрыли,
от любопытных глаз,
от неискренних фраз,
от грохота города –
до свечения в вышине –
к тишине.
Чтобы в час роковой –
спасли.
Чтобы вместе с тобой –
росли.

* * *

Лето разбито в хлам, в прах:
под сапогами и на зубах –
хрустит песок.
Стучит висок.

Листья простёрла к небу крапива,
а там – огонь.

Трепетна и терпелива
ладонь, просящая
дождя,
пусть моросящего,
капельного пусть –
на удачу, на лёгкий путь –
вослед уходящему
в пекло, в зной,
вступающему в ад земной,
вдыхающему кровавый смрад,
вне времён,
вне наград,
удаляющемуся во свет –
закатный,
откуда многим дороги нет
обратной.

ВЕТЛА

В белом небе синие ветра.
В белом поле чёрная дорога.
На пригорке старая ветла
Показалась странницей убогой.

Оголились руки до локтей,
Растрепались волосы седые.
Уходила будто от людей,
Не принявших истины простые.

В белом поле мёртвая трава
К старице протягивает тени.
Облетят ненужные слова
И погаснут в сумраке метельном.

ПЕРЕКРЁСТОК

Верно, спуталось время - ты сегодня
не спишь...

На каком перекрёстке в темноте
ты стоишь?

И надеешься: где-то над зелёным прудом
Есть просторный и светлый
твой бревенчатый дом.
В нём распахнуты ставни,

есть и лавки, и стол,
Янтарём отливает в тёплой горнице пол.
Рушники. Занавески. А в углу - образа.
Словно век утомился, оглянулся назад.
Сочно падают вишни

сладким жаром в ладонь.
Станет грустно - сыграешь
(есть под лавкой гармонь).
Тени дум не тревожат и на сердце легко;
Если вдруг занеможешь
- грей в печи молоко.

Осыпаются блёстки, обрамляя камыш...
На каком перекрёстке
в темноте ты стоишь?
Может, спутались даты?
Может, жизнь не твоя?
В непостроенной хате не раздуешь огня.

НОТА

Голову наклонив,
слушает рыжий кот,
о чём поёт и поёт
синяя дудочка вазы.
Много тысяч
веков-
который по счёту год ? -

нота звучит.
 Нашли её водолазы
 где-то на самом дне
 воспоминаний и снов,
 в белом песке цветов,
 таявших здесь когда-то,
 до, может быть, и раньше...
 Нота звучит, презрев
 конкретность жестов и слов,
 вне
 очертаний и фальши,
 раскрывается, как цветок,
 вне тональностей,
 ритмов,
 гамм,
 непобедима, как мир,
 который она наполняет.
 Уносит ветер её к сияющим берегам,
 и каждым изгибом волна
 её повторяет.

День сегодня такой.
 Дождь по жестянке бьёт,
 и среди звуков и нот
 главную слышно не сразу.
 Лужи уже рекой.
 Ловит такси пешеход.
 Слушает рыжий кот синюю вазу.

ЗИМНИЕ ОКРАИНЫ

Кристалльно-нордический
 окрик окраины ранит.
 Под тяжестью инея гнутся,
 кряхтя, провода;
 И так неожиданны
 жаркие вспышки гераней
 Сквозь мутную толщу
 оконного тёмного льда.

Лилейные дымы,
 подобно волшебным растениям,
 Над стылými крышами вьются,
 творя полусвет;
 А время крадётся по скользким,
 скрипучим ступеням, -
 Колючей позёмке
 не вытравить угольный след.

Становится зримым,
 молочно клубится дыханье.
 Старик закурил и глядит
 из-под белых ресниц.
 И пёс рыжеухий, зевнув,
 с упоением облаял
 Величье холодное высокомерных столиц.

АВТОБУС

В автобусе, заиндевавшем
 от лет и странствий,
 потемневшем
 от ожиданий,
 встреч,
 разлук,
 уставшем от уставших рук,
 хватающихся за перила,
 от окриков,
 надежд,
 потерь, -
 нет никого.

Открыта дверь.
 Мотор урчит нетерпеливо.
 Метель бросает снег в салон.
 И в темноте протяжный стон
 гудка,
 и белый пар, как грива,
 и матовый из окон свет -
 распахнуты сквозные крылья...

Оттуда, где когда-то были,
 он увезёт туда, где - нет
 разлук, где искренне любили,
 где верили и берегли.
 О, Боже, что мы натворили! -
 Простить друг друга не смогли.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Собака бегала по снегу
 И снег ловила языком:
 Её восторженному бегу
 Характер снежный был знаком.
 И восклицательнейшим знаком
 Светился столбик фонаря!
 Румяный мальчик с аргамаком

Смотрел в окошко января
На то волшебное круженье
Божественного естества,
На бесконечное движенье
От Рождества до Рождества.

Кто в небе крыльями прохлопал
И, разбивая зимний мрак,
Из тучи выдувает хлопья,
К великой радости собак?

ЗИМНИЙ КОСТЁР

Когда на дровах заискрится
Живая, текучая медь –
Прищуриться и сквозь ресницы
На острое пламя смотреть,
На злые, шипящие стрелки
В оправе вечернего льда:
На кобальтовой тарелке
Танцует морская звезда.
Мелькающий, жадный, быстрый
Рассержен осиный рой –
Взметнутся слепящие искры
В туманность за «чёрной дырой»,
В седые, горбатые льдины,
Во тьму, за которой дымы
Неслышно и неотвратимо
Медведем встают на дыбы.

АМНЕЗИЯ

Профессор рад, что дочитал букварь.
рассеянный склероз – диагноз века.
Раскачивает в забытьи февраль

фонарь на улице, над вывеской «Аптека».
Скрипящий маятник, светящийся колпак, -
кивает, но едва ли понимает,
что освещать ему, когда, зачем и как.
Идёт по улице в китайской куртке Гамлет.
Он потерял часы – который век? –
сбивается в начале монолога:
быть или... пусть, не быть и кануть в снег
замёрзшим у аптечного порога...
Но вспомнит всё и будет долго жить.
Ночь кончится, и он проснётся дома.
Его спасёт случайно Дездемона,
которую забыли задушить.

С ГОРЫ

Как радостно с горы катиться,
Разбрызгивать осколки льдин,
Как сладко сердцу колотиться
И замирать на миг в груди!

Слились в потоке декораций,
Мелькают мимо, мимо, вверх
Пеньки, дубки, кусты акаций
И падающий с ёлок снег.

Морозцем обжигает щёки.
Весь из невидимых пружин,
Скользишь, непостижимо лёгкий,
Беспечным счастьем одержим...

Склон дальше повернёт в распадок
По снежным далям колесить,
И бесконечно жаль, что надо
Когда-нибудь затормозить.